

Отметил свое 75-летие известный одесский поэт, прозаик, журналист, автор одесских рассказов и краеведческих очерков, член Всемирного клуба одесситов Александр Бирштейн. С чем мы его от души поздравляем!

Трамвай

Предмет моих вожделений, мечта, грохочущая и лязгающая по Канатной, – трамвай №23. На нем можно было проехать до Куликова поля и, говорили, до самого Нового базара, а значит, и до цирка. Впрочем, в цирке я уже побывал, правда, доставлен был туда каким-то иным способом. В цирк я тогда не очень стремился, а вот базар... Рассказывали, что там много вкусной еды и все можно пробовать. Сказка, наверное. Но... К трамваю даже подходить строгойше запрещалось.

Какое-то время я запрет соблюдал. Какое-то...

Закрывающихся дверей трамваи не имели, зато были широкие подножки с поручнями. Это был высший шик: висеть на подножке, виноградиной свисая над мостовой среди кучи точно таких, как ты, путешественников без билета. Да-да, на подножке брать билет не полагалось. Да и цена билета немалая – тридцать копеек. Я уже не помню, была ли у билета эта постоянная цена или все еще цена зависела от длины пути. Да и не интересовался я такой чепухой.

Еще можно было, висая на подножке, спрыгивать на ходу, пробегая по инерции вслед за убегающим вагоном. Но я что-то на это не решался, хотя не мал был, шесть лет – возраст солидный.

Собственно, меня больше привлекали путешествия без родителей. С папой еще ничего, а с мамой тяжело приходилось.

– Не вертись, не высовывайся, не болтай! И главное, разве с родителями на подножке повисешь. Мелькает бульжная мостовая, люди, улицы. И скорость! Она на подножке особенная.

Еще высшим шиком считалась еда на буфере, но только однажды на нем прокатился, причем неудачно. Был пойман, большой дран за уши ватманом и бежал, вырвавшись, утирая слезы.

На подножке, слава Богу, обходилось без неприятностей, хотя и среди кондукторов встречались злые, несправедливые люди. Еще имелись милиционеры, норовящие подкараулить, с подножки стащить и отвести в участок. Ничего хорошего в участке не ждало, посему встреч с милиционерами избегали все мальчишки тщательно и почти успешно. Что до меня, то в участок или отделение милиции попал я несколько позже и по другой причине. Вспоминать об этом грустно времени не хочется.

Доехать до самого Куликова поля я решил не сразу. Хотя бывал там, бывал. Там в праздники проходили демонстрации, на которые меня родители сначала брали. Но моя удивительная способность потеряться где угодно родителям почему-то не нравилась, хотя все, в итоге, заканчивалось хорошо. Фамилию, имя и адрес я знал с пеленок. Зато слова, усвоенные мной, например в милиции, поражали даже ответных хулиганов из нашего двора. Родителям я свои знания не демонстрировал. Учен уже был.

Но отвлекся. Первый раз я проехал только одну остановку до улицы Чичерина. Вышел подле серого, облезлого здания, которое мне сходу не понравилось. И я таки оказался прав, ибо это была моя будущая школа №39, которую я возненавидел, еще не ступив на

АЛЕКСАНДРУ БИРШТЕЙНУ – 75 лет!

Как не возрадоваться! Значительная и красивая дата. Честно, не есть ему столько... Он живет, творит и радуется жизни. А что еще надо, чтобы достойно и творчески идти к цифре 120? В еврейской традиции цифры обладают определенной смысловой наполненностью. У Саши в его день рождения сумма цифр – 12. Полный зодиакальный круг. Он замкнут, и через каждые 12 лет мир начинается новый путь созидания. Саша – созидатель. Он все время в ли-

тературном и коллекционном движении. Книжки, картины, солонки. Новые темы, новые истории, новые впечатления и путешествия.

Он живой, теплый, умный, преданный и любящий людей, свой Город, свою Землю, свое Море, свой Ланжерон аж до Аркадии, свои улицы...

И все это звучит в его книгах, пьесах, статьях и поэзии, в его сердце. Саша умеет удивляться, и это его свойство говорит о молодости его души, о его вере в доброе, светлое и на-

стоящее... Он талантлив, актуален и бережно хранит в себе свойства настоящего одессита, щедрого, остроумного, верного и любящего своих друзей, коллег, артистов и музыкантов... Он продуктивен, он не снижает планку и творческую скорость, выпуская новые истории.

А с ним рядом его дорогие люди: супруга, дети и внуки, коты, собаки... И пусть в этом Доме всегда будет мир, благодать и здоровье...

Геннадий КАЦЕН

ПАРА СЛОВ ЗА ОДЕССКОГО МАЛЬЧИШКУ

Мир устроил нам встречу в том возрасте, когда всё чаще начинаешь терять друзей, а зародыш новой дружбы – милостивый шанс. Я почувствовал это сразу по его реакции на мои фотографии, висевшие на стенах моей научной лаборатории. Стало ясно как день, что вернулся одесский мальчишка, радостно впитывающий знаки из нашего общего одесского детства. Это всё, что нужно знать про начало дружбы, длящейся более двадцати лет. Я не самый давний его друг, но мы одинаково дорожим временем общего бытования. Есть в дружбе вещи интимные, о которых не стоит пытаться рассказать, «чтобы не нарушить, не расстроить» тонкие связи, ароматы и послевкусия, но общеизвестные результаты не стыдно не скрывать. Наши прогулки и воспоминания одесского детства оказались интересными не только нам: как сделать свисток из абрикосовой косточки, как расплющить гвоздь с помощью трамвая, как запустить «дымчучку» из киноплёнки – всё это и многое другое всплывало из памяти во время наших прогулок. Так мы «нагуляли» проект «Прогулки одесситов в поисках Одессы». Я без

колебаний и с нескрываемым удовольствием становился соучастником его проектов, стараясь наверстать упущенное в нашем детстве, хотя у нас были на счету одинаковые шалости и много общих интересов. Как важно и приятно «шалить» с таким же в душе мальчишкой! В детстве мы острее всё ощущали, были искренними и неказуемо категоричными, поэтому «мальчишка» в нашем возрасте – ответственная и тяжелая награда Мира. Саша несет ее с достоинством и платит «по-взрослому».

Я не буду перечислять его книги, это лучше меня сделают друзья – литераторы, писатели и поэты, но одно могу сказать – это вкусно с очень даже разным. Иногда послевкусие долго не хочется отпустить, а иногда такая философская перчинка застрянет, что не заснешь. Радует, что у него в голове такое «давление фантазии с напором», что уместно пожелать долгих лет для реализации!

И немного личного: у меня мало друзей, с которыми я часто спорю, но ни разу не ругался. Саша – один из них. Очень хочу как можно дольше продолжать это с ним.

Сергей ГЕВЕЛЮК

Александр Бирштейн

Из книги рассказов «Полезная жизнь вредного мальчишки»

путь знаний. Знаете, я привык к развалкам. Они были непременным атрибутом нашей городской жизни. Напротив нашего двора развалка, на углу Кангуна тоже и на углу Канатной, ну, там, где потом спортплощадку построили... На Чичерина тоже развалки. В общем, ничего интересного. И я пошел обратно. Оказалось, это близко. Свернув на Ярославского, вышел к чайной фабрике, которую я уже знал, дальше был гастроном, названный «На углу», а там два пути до дома: или прямо по Лизогуба до Жуковского, или до моста по спуску, а потом подняться вверх по лестнице бани. Все рядом!

В следующий раз улица Чкалова. Там поинтересней. Но это все меркнет перед конечной станцией на Куликовом поле. А там трамваев! И опять. На Куликовом поле я уже был. И, говорил уже, на демонстрациях, и в трамваях катался. Но с родителями – это совсем не то! Даже в особом трамвае с ажурными стенками до половины. Все видно и ветерок. Но попробуй сядь в такое чудо. Шум, толпа, родители волнуются, вдруг я опять потеряюсь. Я бы не против, но как это сделать, если тебя цепко за руку держат?

А так я приехал один. Как и положено, на подножке. Вышел, осмотрелся. Столько всего! Сзади – стадион, спереди – площадь. В общем, возможностей много. Ах, да, не доходя Куликова поля еще трамвайные линии. Интересно, куда? Разведать! В общем, дел...

И я разведать! И узнал, что трамваем можно поехать на далекий и почти неведомый Фонтан. Что станции Фонтана – это всего лишь трамвайные остановки, но на каждой ожидают приключения и чудеса. Впрочем, интересные места начинались с четвертой станции, где был инподром. Вот мне там понравилось! Трибуны со скамейками из плохо покрашенных брусков, люди с биноклями, глядящие на лошадей и что-то записывающие. Это были будние дни, когда соревнований не было. Я просто любовался лошадами. Просто любовался. Лошади – а их сразу полюбил – возникали откуда-то слева, возили повозку с ездомом по кругу и... исчезали тоже слева от меня. Оказалось, там были конюшни. Как я там оказался? Ох, не спрашивайте! Опять уши гореть начинают.

Это сейчас весь Фонтан застроен домами разной степени высотности. Тогда – дачи, домики... Маленький рынок на седьмой. А если пойти вниз в сторону моря, то можно попасть в роскошную Аркадию с нарядной публикой, музыкой и шумом. Если бы были деньги, уехал бы оттуда на катере «Капелла», но где ж взять целых два рубля? Пробовал просочиться, но... Опять лучше не вспоминать. Но зато из Аркадии бегал трамвай №5 и еще какой-то, и на нем

вовне можно до Канатной, а там и до дома рукой подать.

В следующий раз я в Аркадию не пошел, а проехал дальше. Десятая станция показала себя грандиозной. Купальня с морской водой, кино, а людей, людей!

На тринадцатой станции можно из окошка, а лучше с подножки любоваться морем, а выйдя, можно к морю спуститься по крутой тропе с дырами – входами в катакомбы на стене слева.

А на шестнадцатой и дальше я уже был с папой.

Огромные, красные и синие грохочущие трамваи бегали по городу, наполняя его радостным шумом. Они всегда были битком набиты гражданами и карманниками. Их вели, как в бой, лихие водители-ватманы-вагоновожатые. А борт-проводниками были кондукторы, которые не боялись никого и ничего, а ругались виртуозно и громко. По трамваям сновали ненавидимые всеми контролеры с рыбьими глазами. Они были немолимы и спокойны.

Люди входили, выходили, вскакивали на подножку, прыгали с нее, куда-то спеша. Мир был юн, любопытен без меры и наполнен солнцем. Он назывался Одесса.

Швейцар у судьбы

Я ишу весну, а нахожу осень.

Я натыкаюсь на посторонних и долго говорю с ними, забыв, что распахивать душу встречным – это служить швейцаром у судьбы.

– Осень не страшна, – говорят встречные. – Холода бывают и весной.

Улицы полны дождя, а переулки слякоти. Солнце подглядывает из-за туч и смеется в лицо, едва посмотрю в окно.

Трамвай тащится по Старопортофранковской и Новорыбной походкой медленной и похмельной, но он везет в парк, и я тер-

плю его суетливую неуверенность.

Желтые листья парка ярче зеленых. Поэтому их взмахи вызывающе обидны.

Да и море не радует, а скорей задевает самолюбие своей безмятежностью. Нет волн, этих снующих туда-сюда сплетниц, вода неподвижна и прозрачна. Ее прозрачность неприветлива и глубока.

Песок сопротивляется шагам и скрипит.

Сломанные лежаки оставлены, как бойцы на поле боя. Наверное, это тоже предательство, но на месте некоторых лежаков следы костра. Значит, есть что разжигать бомжам и романтикам.

– Взвейтесь, кастраты синие очень, – как видите, я очень любил пионерские песни. – Пенсионеры съели рабочих.

По дорожке над морем изредка проносятся вопросительные знаки пожилых бегунов. Они не получают удовольствия от бега, но исполняют долг. Испарина дрожит над ними, как тень сомнения.

Лестница, убогая, как воспоминания старьевщика, вытянула меня к гаражам и стоянке Лермонтовского переулка, где болтливые сторожа, напаяв оранжевые жилеты, сочили их пикейными. Они презирают идущих за переспективностью.

И снова трамвай, но уже другой, лязгая кандалами бывших пролетариев, везет по Французскому бульвару. Я давно разлюбил этот бульвар, но хожу сюда из-за названия.

Иногда мечтаю скопить много денег, приехать в Париж, снять жилье и жить там долго-долго, пока не разлюблю этот город и смогу уехать с легким сердцем. Но боюсь, что мне придется остаться там навсегда.

На брусчатке бульвара толпятся машины, изредка делая шаг, другой вперед. А светофор у Отрады подмигивает тем, кому повезло.

Новые особняки у Шампанского переулка не пускают в прошлое, и я уже сам не верю, что жил тут почти каждое лето.

Главбухом на заводе шампанских вин работала мамина подруга. К ней можно было зайти в гости днем. Она угощала холодным шампанским, налитым в майонезную баночку, и, как ребенку, дарила шоколадку.

А по ночам шампанское покупали у сторожей завода и пили его под гигантским абрикосом, где был вкопан стол, а с горизонтальной ветки свисала на шнуре лампочка с чуть подпаленным абажуром из газеты.

Совсем ночью сад прищуривался и шептал, шептал... На веранде горел ночник, призывая бабочек и комаров. Я пил шампанское, комары меня. Они быстро хмелели и пели победную песню тонкими голосами кастратов.

Потом ночь нечаянно задумывалась, и становилось тихо-тихо. Сад недоуменно оглядывался и отряхивался, как собака. Ба! Да уже светает.

Я вздрагиваю и ускоряю шаг. Аллеи, а потом тропинки санатория «Аркадия» вывели на проспект. Там они бросили меня среди шума и прохожих. Дождь стал разбрасывать капли, как на свадьбах средней руки конфеты «Морские камешки». Камушки, как говорят в Одессе.

Троллейбус покорно плетется по проспекту. Капли дождя падают на стекло и ползут вниз извилистыми, но чистыми дорожками.